

Утраченные стихи Пушкина «Арзамасская реть»

В.Э. ВАЦУРО,
кандидат филологических наук

Среди утраченных или незавершённых произведений Пушкина есть группа, представляющая для исследователей его творчества совершенно особый интерес. Это произведения, связанные с его участием в «Арзамасе», – единственном в своём роде литературном обществе и дружеском кружке одновременно, объединившем молодых сторонников карамзинской литературной реформы, поставивших целью бороться с литературными противниками – «староверами», архаиками – оружием смеха и сатиры. Жуковский, Батюшков, Вяземский, Д. Давыдов, дядюшка Пушкина Василий Львович – учителя, старшие товарищи Пушкина, наставники его в первых шагах поэтического творчества, входили в этот кружок; из него формировался затем литературный круг зрелого Пушкина. Дух буффонады и пародии царил в «Арзамасе»; заседания, шуточные протоколы пародировали торжественные ритуалы «Беседы любителей русского слова» и Российской Академии; участники носили шуточные прозвища, взятые из баллад Жуковского: сам Жуковский был «Светланой», Д.Н. Блудов – «Кассандрой», А.И. Тургенев – «Эоловой Арфой», Вяземский – «Асмодеем». Василий Львович Пушкин – «староста» «Арзамаса» именовался «Вот», Д.В. Дашков – «Чу». Молодому Пушкину дали имя «Сверчок». Это была среда, вобравшая всё лучшее, что могла представить нарождающаяся литература пушкинской эпохи, – и здесь не только шутили, но и в дружеском общении обсуждали вещи весьма серьёзные. Для Пушкина «Арзамас» был школой поэтического мастерства – и без изучения этой школы нельзя представить себе формирование Пушкина-поэта.

Изучение «Арзамаса» насчитывает уже много десятилетий (нельзя

не вспомнить в этой связи превосходные работы об “арзамасском братстве” покойного М.И. Гиллельсона), – но чем далее, тем больше ощущается утрата важнейших текстов, документирующих тему «Пушкин и “Арзамас”». Одному из них и посвящены настоящие заметки: это текст вступительной речи Пушкина, из которой мы знаем всего несколько строк. Когда она была произнесена, при каких обстоятельствах произошло его вступление в общество, почему она не сохранилась, – на все эти важные вопросы у нас нет точного ответа. Попытаемся же, по крайней мере, собрать скудные сохранившиеся сведения, чтобы представить себе в самых общих чертах один из существенных эпизодов творческой биографии раннего Пушкина.

Почти всё, что мы знаем сейчас об этой речи Пушкина, было сообщено ещё в 1850-е годы П.И. Бартевым и П.В. Анненковым, – и здесь необходимо привести достаточно обширную цитату из бартевской работы “Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии”, поскольку она является в сущности первоисточником сведений, которые мы в дальнейшем будем проверять и сопоставлять с косвенными данными. “Пушкин, к сожалению, успел один только раз принять участие в заседаниях этого полушутливого, но вполне литературного общества, – рассказывает Бартев, как позднее было установлено, со слов Д.Н. Блудова. – То было, если не ошибаемся, в последних числах сентября, либо в начале октября 1817 года. По обычаю, новый член Арзамаса произносил вступительную речь. Протоколы заседаний ведены были (и нередко в стихах) секретарём общества Светланой, и если уцелели эти драгоценные образцы остроумия и весёлости, то там, конечно, упомянуто о речи, которую произнёс Пушкин превосходными александрийскими стихами. В памяти слушателей доселе сохраняется начало её:

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых Муз, о дивный Арзамас!
.....
Где славил наш Тиртей ... и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра.

Для объяснения последнего стиха нужно сказать, что общество, по примеру Французской Академии, постановило произносить похвальные слова умершим членам; но так как в Арзамасе не было покойников и все члены его были бессмертны, то положили брать умерших напрокат из Беседы Любителей Российского Слова и Российской Академии. Легко представить, к каким неистощимым шуткам давало это повод. Особенно памятно было похвальное слово, произнесённое арзамасцем Кассандрой беседнику Захарову, весьма посредственному писа-

телю того времени; и как нарочно случилось, что несколько дней спустя бедный Захаров в самом деле скончался.

В другом месте своей речи, рисуя портрет арзамасца, Пушкин говорит про него, что он

... в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгою в руке.

Этими немногими словами очерчены характер и направление Арзамасского общества.

Но оно, к сожалению, и может быть к несчастью Пушкина, скоро рассеялось. То собрание его, в котором молодой поэт произнёс александрийские стихи свои, было последнее, по крайней мере в Петербурге. Члены Арзамаса, и именно наиболее содействовавшие к оживлению заседаний, отозваны были из столицы разными обязанностями. Д.В. Дашков отправился в Константинополь. Д.Н. (граф) Блудов в Лондон, оба по дипломатической службе, Жуковский и А.И. Тургенев уехали в Москву, куда в то время переселился двор» (Бартенев П.И. О Пушкине. М., 1992. С. 108–109).

За последующие почти сто лет к данным Бартенева удалось добавить немного, хотя за это время были обнаружены и опубликованы арзамасские протоколы, вышло академическое издание сочинений Пушкина и летопись его жизни и творчества, составленная М.А. Цявловским. Пушкинское послание, однако, в протоколах не упоминается, и рукописные источники дали лишь одно добавление к бартеневскому тексту, заполнив пропуск в третьей строке: «Где славил наш Тиртей кисель и Александра». В остальном комментаторы опираются на сведения Бартенева; так, в «Летописи» Цявловского читаем: «Сентябрь, 25 (?)... Октябрь, 5 (?). Заседание «Арзамаса», на котором Пушкин выступает с речью в стихах: «Венец желаниям! Итак, я вижу вас...» (сохранились фрагменты)» (Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Сост. М.А. Цявловский. Л., 1991. С. 145).

Были попытки датировать это заседание иначе: в комментарии Т.Г. Цявловской в пушкинском десятилетнике 1974 года оно отнесено к августу 1817 года; в нашем комментарии к новейшему двухтомнику «арзамасских» материалов – к июню 1817-го (Арзамас. Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 588; Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 709). Но дата Цявловского, по-видимому, наиболее близка к истине. При этом она важна, конечно, не сама по себе: за ней стоит история поэтапного вхождения Пушкина в общество; история, во многом для нас ещё неясная и восстанавливаемая гипотетически.

Вопрос о возможном формальном членстве Пушкина в «Арзамасе» возникает, по-видимому, в конце 1816 года. Этим временем датируют

ся два произведения явно арзамасской полемической направленности: сатира “Тень Фон-Визина” и послание к Жуковскому “Благослови, поэт!. В тиши парнасской сени...”. Последнее в беловом автографе подписано “Арзамасец”.

Ранние комментаторы этого стихотворения относили его на основании подписи к 1817 году, когда Пушкин был принят в общество. Однако подпись свидетельствовала как раз об обратном. “В арзамасском крещении” члены, как сказано, получали прозвища-псевдонимы; известно прозвище Пушкина “Сверчок”. Представить себе арзамасца, оставившего свое имя и выпавшего из игровой стихии, объединившей кружок, попросту невозможно; подписью “Арз.<амасец>”, “Ст.<арый> Ар<замасец>” Пушкин мог воспользоваться только в более поздние годы, когда “Арзамас” перестал существовать; он напоминал о традиции. “Арзамасец” 1817 года подчеркивал свою принадлежность к обществу арзамасским именем, и это наглядно показывает другая рукопись Пушкина – копия послания А.И. Тургеневу (“Тургенев, верный покровитель...”), датированная 8 ноября 1817 года. Здесь к подписи “Пушкин” рукой Тургенева (установлено Е.О. Ларионовой. – В.В.) подписано: “Сверчок”.

Послание к Жуковскому традиционно рассматривается как своего рода поэтическое предисловие к готовившемуся собранию стихотворений молодого Пушкина. Напомним, что Жуковский читал так называемую “Лицейскую тетрадь”, которая должна была составить корпус будущей книги (см.: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 115–130). В последние годы появились основательные сомнения в такой трактовке: в самом деле, центральная, полемическая часть послания мало подходила для роли программного введения в сборник вовсе не полемический. Н.Н. Петрунина, высказавшая эту точку зрения, предложила толковать послание как декларацию литературного самоопределения “с позиций Арзамаса”, что подчеркнуто и подписью (Русская литература. 1990. № 3. С. 138–139; ср. также комментарий к этому стихотворению: Пушкин А.С. Стихотворения лицейских лет (1813–1817). СПб., 1994. С. 612–614). Это, конечно, верно, но здесь есть основания предполагать и непосредственную прагматическую цель. Подпись “Арзамасец” под посланием к фактическому главе и вдохновителю “Арзамаса” и основному в это время литературному наставнику и покровителю Пушкина означала именно просьбу о членстве, фактическую принадлежность к обществу, которую настало время закрепить формальным избранием. Подобного рода “письменное заявление” совершенно естественно для молодого поэта, стремящегося попасть в тесный круг своих поэтических учителей; отсюда декларации верности как поэтическому призванию, так и литературно-полемической программе, которой они следуют.

Послание попадает в руки Жуковского, вероятно, сразу после его

приезда из Дерпта в декабре 1816 года. С Жуковским Пушкин не виделся с марта этого года; в декабре они оба проводят рождественские праздники в Петербурге и, без сомнения, встречаются; 24 декабря Жуковский впервые после перерыва ведёт шестнадцатое заседание “Арзамаса” (Цявловский М.А. Источники текстов лицейских стихотворений // Пушкин А.С. Стихотворения лицейских лет. С. 460). Следы именно этого собрания остались в интересующем нас послании Пушкина арзамасцам: Жуковский читал в нём “Овсяный кисель”, свой перевод из Гебеля – “очаровательный овсяный кисель, который члены единодушно провозгласили райским кремом”, как заявлял он в протоколе (Арзамас. Кн. 1. С. 380).

Уже в январе 1817 года в письме Д.В. Дашкову из Дерпта он упоминает Пушкина как естественного участника арзамасского альманаха “Аониды” – наряду с самим Дашковым, Вяземским, Батюшковым, Воейковым, Блудовым, Севериным, В.Л. Пушкиным и Н. Муравьёвым. Заметим, что не все из перечисленных участников “Аонид” являются в формальном смысле “арзамасцами”: так, принятие Муравьёва произошло только 13 августа 1817 года (Там же. Кн. 2. С. 347–348). При всём том в начале 1817 года Жуковский видит в Пушкине фактического члена общества, – и здесь нам важно учесть косвенные данные мемуаров Ф.Ф. Вигеля. Вигель начинает рассказ об “арзамасце” Пушкине с упоминания о выпускном лицейском акте. “На выпуск (...) молодого Пушкина смотрели члены Арзамаса как на счастливого для них происшествие, как на торжество. (...) Особенно же Жуковский, воспринявший его в Арзамасе, казался счастлив, как будто бы сам Бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно было смотреть, как старшие братья на перерыв баловали маленького брата. (...) Я не спросил тогда, за что его называли *Сверчком*, теперь нахожу это весьма кстати: ибо в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах Лицея, прекрасными стихами уже подавал он оттуда свой звонкий голос” (Там же. Кн. 1. С. 98–99). Хронология здесь, вероятно, несколько смещена, но по контексту очевидно, что приобщение Пушкина к “Арзамасу” Вигель относит к первым же месяцам после выпуска из Лицея. Это как будто расходитя с тем, что рассказывает со слов Блудова Бартенев.

Первый выпуск Лицея состоялся 9 июня. А 11 июня Пушкин уезжает в Петербург. Здесь он проводит менее месяца: около 9 июля он отправляется в Михайловское. За это время было два арзамасских заседания: одно без определённой программы, где “все члены от Арфы вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга душили”, – почему и самое собрание сочли как бы несостоявшимся, – и второе, у М.Ф. Орлова, где “читали законы, читали Вадима”. От обоих собраний остались краткие протоколы Жуковского в гексаметрах. Подписи Пушкина под ними нет; нет и упоминаний о его приёме. Между тем в “Списке

избранным арзамасцам”, приложенном к протоколу от 13 августа и перечисляющем формальных членов общества, принятых до этого времени, уже значится “Сверчок” – Пушкин, который, как сказано, с 9 июля находился в Михайловском (Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 234–237; Арзамас. Кн. 1. С. 584).

Эта запись (не учтённая в “Летописи” Цявловского) подтверждает воспоминания Вигеля, из которых как будто следует, что Пушкин был принят в общество сразу по выходе из Лицея.

Чтобы объяснить это противоречие, следует вспомнить, что приём в “Арзамас” не всегда был единовременным актом; более того – почти никогда таковым не был. В идеальном случае намечалось, что на одном из заседаний предлагалась кандидатура будущего члена и его прозвище, которое обнародовалось тогда, когда он произносил вступительную речь и совершался акт принятия. Реально уже с первого же заседания начались заочные избрания. 14 октября 1815 года в общество были введены четыре “отсутствующих ветхих арзамасца”, чьи имена должны были появиться в протоколе после того, как они “пройдут через какую-нибудь из мученических баллад” и получат своё прозвище (Арзамас. Кн. 1. С. 266–267); в следующем заседании 22 октября, где был предложен Вигель, родилась формула: имя нового члена “напишется тогда, когда он получит имя” (Там же. С. 273). “Неназванными арзамасцами” были Батюшков, Д. Давыдов, Вяземский и В.Л. Пушкин; по переписке с ними мы знаем, что имена обсуждались вместе с кандидатурами, после чего испрашивалось согласие кандидата. Так, имя “Вот” было придумано самим В.Л. Пушкиным в замену первоначального “Пустынный”, а Вяземский колебался между “Асмодеем” и “Варвиком”, пока не остановился на первом (Там же. С. 270, 289–290, 284). Формальный приём Вяземского произошёл только 24 февраля 1816 года, В.Л. Пушкина – в марте того же года, Батюшкова – 27 августа 1817-го, но уже в апреле было известно его арзамасское прозвище – “Ахилл” или “Ахиллес” (Там же. С. 358). Когда был принят Д. Давыдов – с именем “Армянин”, мы не знаем, как не знаем и обстоятельств принятия. Нечто подобное происходит и с приёмом А.А. Плещеева: 28 августа 1817 года А.И. Тургенев сообщает о нём Вяземскому как о новом члене, имя которого “в арзамасском крещении” он забыл (Там же. С. 432); между тем как в протоколе от 11 ноября 1816-го он уже упоминается как “Чёрный Вран”. Что же касается вступительных речей, то в подавляющем большинстве случаев они произносились много позже принятия и “крещения” – спустя несколько недель, а то и месяцев, как было с Батюшковым или Кавелиным. По-видимому, так было и с Пушкиным. Если это предположение правильно, становится понятным, почему его приём не отразился в июньских–июльских гекзаметрических протоколах Жуковского: он не был закреплён арзамасской речью и совершился, условно говоря, неофициально. Может быть,

Пушкин даже и присутствовал на заседаниях между серединой июня и началом июля, по крайней мере, на последнем из них, – но подписать протокола уже не мог: подписи ставились на следующем заседании (14 или 15 июля), когда его уже не было в городе.

Пушкин вернулся около 23 августа. К этому времени, как мы помним, он уже числится в списке “формально избранным арзамасцем” под именем “Сверчок”. 24 августа в Петербург приезжает Батюшков, и 27 числа собирается заседание для его принятия. Протокол этого заседания не сохранился, как и сама речь Батюшкова; от него осталось лишь обращённое к Батюшкову приветствие Блудова.

В речи Блудова звучали грустные ноты. Общество распалось. “Увы! Любезный Ахилл, вступая в сию хоамину, вы искали Арзамаса и находите один труп его, неодушевлённый, искалеченный ударами рока. Где многие из подпор наших? Где вещей Чу? Где волшебница Старушка? Где Асмодей, блестящий одним остроумием? И где свежая весёлость, украшавшая первые дни наши! Ах, Арзамас! Всё погигло! Несчастный голос, призывавший к труду, призвал нас к унынию; истощилась в Светлане руда её бесценной галиматъи, Эолова Арфа растеряла свои струны, и по устам всех членов вместо беспечной улыбки Арзамаса бродит зевота Академии”. Об этом заседании А.И. Тургенев сообщал Вяземскому 28 августа: “Вчера был у меня многолюдный Арзамас, в коем присутствовали два новых превосходительства: Ахилл и Плещеев...” (Там же. С. 432).

Дальние отзвуки речи Блудова ощущаются в его поздних рассказах Бартеневу о ситуации, в какой Пушкин читал свою арзамасскую речь. “Члены Арзамаса и именно наиболее содействовавшие к оживлению заседаний” (ср. “многие из подпор наших”) “отозваны были из столицы разными обстоятельствами” – и далее упоминание об отсутствии Дашкова, “Чу”. Но на этом заседании Пушкин речи не читал – иначе бы А.И. Тургенев упомянул его среди новых “превосходительств”, как обозначались те, кто прошёл всю процедуру принятия. В “многолюдном” же “Арзамасе” он, вероятно, был: в эти дни он тесно общается с Жуковским, Батюшковым и Плещеевым. 4 сентября все четверо пишут совместное шуточное стихотворение Вяземскому, отправлявшемуся в Варшаву, – указ о назначении был прочтён на том же заседании 27 августа (Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 145). Не было чтения речи и в собрании 6 сентября у Тургеневых, о котором 8 сентября Н.И. Тургенев сообщал брату: уже 18 сентября, обозревая последние заседания “Арзамаса”, Жуковский упоминает только об “ораторских затеях Ахилла и Чёрного Врана” – Батюшкова и Плещеева. На этом последнем заседании у Плещеева Пушкин почти наверное присутствовал: оно было прощальным перед отъездом Жуковского в Дерпт, и Жуковский особенно заботился, чтобы съехались все арзамасцы; он даже рассылал поимённые письменные напоминания (Арзамас.

Кн. 1. С. 434–435, 586). Он произнёс прощальную речь, текст которой нам известен, и передал Блудову переплетенные “излияния Арзамаса” – тетрадь протоколов, в которую уже далее ничего не вносилось; даже речь Жуковского не была к ней приобщена (Там же).

Почти всё, что нам известно о двух, по-видимому, последних петербургских собраниях “Арзамаса” – 27 сентября и 2 октября 1817 года – это краткие упоминания в дневниках Н.И. Тургенева и его письмах к брату, С.И. Тургеневу. Это очень скудный и ненадёжный источник по части литературных сведений. Литературный быт Тургенева не интересует совершенно; он занят исключительно политическими вопросами и не упоминает ни о речи Батюшкова, ни о прочитанных 6 сентября стихах Вяземского, ни даже о прощании с Жуковским, отметив только, что “в прошедшем Арзамасе у Чёрн(ого) Врана” “все много смеялись” (там же. С. 435). Арзамасская речь молодого Пушкина, конечно, не могла привлечь его внимания.

Она была прочитана на одном из трёх последних заседаний – 18, 27 сентября или 2 октября – и скорее всего, именно на последнем, перед отъездом Жуковского в Москву 4 октября. Феноменальная память Блудова, видимо, не подвела его и на этот раз. Он был одним из тех “слушателей”, о которых глухо упомянул Бартенев. Кто были остальные, мы не знаем. В Петербурге в это время находились Жуковский, Батюшков, оба Тургеневы, Плещеев, Вигель; московские арзамасцы, Дашков, Уваров, М. Орлов отсутствовали. Таким образом, Пушкин “видел” перед собой хотя и не весь “Арзамас”, но значительную и наиболее близкую себе часть, и Блудов запомнил как раз те строки, которые к этой части и были обращены. Цитата, приведённая Бартевым, говорит о самом Блудове и о Жуковском.

К Блудову – “Кассандре” относится строка о Захарове, комментарий к которой дал со слов Блудова Бартенев. Это был эпизод, памятный по целой серии драматических совпадений. В шестом заседании “Арзамаса” 16 декабря 1815 года Блудов читал пародийную надгробную речь И.С. Захарову, автору “Похвалы жёнам”, сообщив присутствовавшим, что «в предшествовавший вечер оратор Захаров скончался публично на середине “похвального слова жёнам”»; отвечавший ему Дашков упомянул, что, не в пример “древней Кассандре”, новая пророчица снискала всеобщее доверие; пусть же она предвестит мир после чернильной брани “и гибель врагам любезного Арзамаса”. “Предвещание” сбылось через месяц с лишним: Захаров скончался 30 января 1816 года (Там же. С. 318, 323, 551). Нет сомнения, что слух об этих событиях дошёл до лицеиста Пушкина уже в 1816 году; более того, есть основания думать, что о самом заседании 16 декабря он знал несколько больше, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что на нём, согласно протоколу Жуковского, “читан был некий гимн”, в котором “изображаются торжественные деяния русских, их славные подвиги на

поле брани (...) и живо представляется, как добрые россияне после всех своих торжеств восскакали в радости и песнопении”. Этот “гимн” был “Певец в Кремле” Жуковского в первой редакции, читанный потом с исправлениями в заседании 11 ноября 1816 года и в 1817 году выпущенный отдельной брошюрой. В начале марта 1817-го Жуковский прислал её Пушкину с надписью: “Поэту товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя” (Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 127). Именно это стихотворение (а не “Императору Александру”, как принято считать со времён Бартенева) имеет в виду Пушкин в строке о Жуковском “славил наш Тиртей кисель и Александра”; сочетание, конечно, не лишённое доли лукавства (Арзамас. Кн. 1. С. 587–588; ср. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. Л., 1989. С. 221).

По сохранившимся пяти с половиной строчкам послания нельзя, разумеется, судить о содержании целого. Однако можно представить себе ситуацию, в которой оно писалось. К осени 1817 года “похороны” членов уже год как не существовавшей “Беседы” были безнадежным анахронизмом, – и только изобретательное остроумие Блудова способно было в какой-то мере актуализировать речь Батюшкова о Соколове. Есть поэтому основания полагать, что речь Пушкина строилась как апология “Арзамаса” в целом, с ретроспективными отсылками ко времени его расцвета, – и что именно поэтому оно представляло собою необычное для деятельности кружка послание в александрийских стихах. В этом смысле оно напоминает послание к Жуковскому 1816 года, – и сходство это, поскольку мы можем его уловить, было продиктовано объективными обстоятельствами. Первое послание писалось молодым поэтом, стремящимся попасть в дружеское общество, ещё не знакомым в деталях с его внутренним бытом и, возможно, не знавшим, что основного врага “Арзамаса” – “Беседы” уже не существует. Второе вышло из-под пера “арзамасца” в точном смысле этого слова, произносящего хвалу своей литературной группе, но смутно ощущавшего, хотя, может быть, и не в полной мере, что не существует уже и “Арзамаса”.

Санкт-Петербург